

От редакции. Поворотные пункты в идейном развитии русских мыслителей долго служили излюбленным предметом для констатаций. Сам С. Н. Булгаков немало способствовал отчасти схематическому толкованию таких поворотных моментов, дав первому сборнику своих статей название «От марксизма к идеализму». Однако реальные перемены в мировоззрении философов, выявляемые за собою переориентацию их поисков, чаще всего скрыты от глаз читателей и исследователей. Тому причиной не только отсутствие в духовной биографии человека рубежей одновременно преобразования, на деле состоящих из ряда удаленных друг от друга интеллектуальных, языковых и житейских событий, но и слабая изученность именно духовной биографии в свете используемых философских понятий, с точки зрения развития его философского языка. Например, серьезной проблемой истории русской философии начала XX в. является корректное употребление реанимированного на рубеже 1900-х и 1910-х гг. понятия «славянофильство», выходящего к жизни довольно смутные продолжения типа «неославянофильство» и т. д. не способствующие полноценно действительного существа полемике, условно говоря, западниче-ски/славянофильских полновес русской мысли в лице круга книгоиздательства «Путь» и крута журнала «Догос».

Найденный О. К. Докторов текст неизвестной статьи С. Н. Булгакова в полуанонимных Гранках не удавшегося света последнего номера газеты «Народ» (РАДИ. Ф. 142. Оп. 2. Ед. хр. 20) позволяет существенно уточнить и историю булгаковского словоупотребления, и мотивы обращения философа к традиционной и весьма условной терминологии. Преназначенная для радикальной христианской газеты, выходящей в апреле 1906 г. в Киеве (се историю см. в специальной статье в подготовке к печати биографическом альманахе «Имя», № 5), эта статья относится к привычному для Булгакова жару «апелляционных записок», к которому он прибегал и в 1910-е, и в 1920-е гг., но по содержанию еще недостаточно удаленная от политический злободневности (в данном случае — преобразование западными странами «крестьяно-дворянско-правительств», подлежащего революции). Статья подписана: С. В-ва. Рванки от руки исправлены автором. Позже не переиздавалась и теперь публикуется впервые.

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

С. Н. БУЛГАКОВ

11 апреля.

«Я хочу в Европу съездить, Агаша, отсюда и поеду, и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое дорожное кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горящей минушей жизни, о такой страстной вере в свой пошлыв, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними — в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище и никак не более».

Эти слова Ивана Карамасова в романе Достоевского невольно вспомнились мне теперь, когда под впечатлениями последних дней в общественном сознании снова выплыла проблема запада.

Последние годы мы живем ускоренным и, кажется, все ускоряющимся темпом.

Под влиянием потрескающих впечатлений жизни духовная зрелость нашего общества совершенна гораздо скорее, чем раньше, и благодаря этой зрелости и новым и сильным впечатлениям истории переоцениваются и обесцениваются ценности, разрушаются, а часть просто предается забвению духовные кумиры. К числу таких не то что развенчанных, а просто забытых кумиров принадлежат запад и западничество, ирреальное такую роль в духовной жизни нашего общества в XIX веке. Было время, когда вся русская интеллигенция разбивалась только на два лагеря: славянофильский и западнический, и, если о славянофильстве еще вспоминали по поводу недавних политических фантазий Шиннова³ и зако носовладельческой думы 6 августа,⁴ то термин западничество совершенно выше из употребления.

Западная Европа, «страна святых чудес», по славянофильскому определению естественно занимает совершенно исключительное место в русском сердце и русской душе, имея для нее значение не только школы, но и пантеона, святых и славянофильские толки о тиснении запада⁵ представляли сравнительное искание, культурная и духовная ценность западной цивилизации была для славянофилов совершенно ясна, яснее, я дулько, нежели для западников. Что же касается последних, то западничество их было прежде всего политическим, был отрицанием самодержавия, отсутствием, как известно, в концепциях славянофильства.⁶ Эта была как бы вогуугага сторона медали, рельефом которого был самодержавный режим. Чем деполитичнее, чем невыносимее был этот режим тем фанатичнее, планетнее было западничество, преданность свободным политическим учреждениям запада. Вера в запад принимала при этом условия признаки религиозной веры: «мы верим в Европу, как христиане верят в рай», — говорил Терцен.⁷ Запад силой вещей становился духовным кумиром для русского свободомыслия интеллигенции; походить к этому кумиру с критическим свободным отношением значило подвергать себя подозрению в «политической небагонатадежности», в приверженности самодержавию, в измене абсолютному движению. Был только один критический толчок, которого нельзя было заглушить обвинением в политической неблагонадежности: один духовный типич, с которым нельзя было не считаться, но который заклимил духовную яву европейско цивилизации, поставил точный диагноз духовному раку, се развлекшему. Э был Терцен с его критикой европейского мешанства.⁸ Однако эта створка духовной индивидуальности Терцена, которую и вообще мало знали благодаря запрету, лежащему на его сочинениях, или замалчивалась, или как-нибудь апологетически истолковывалась, причем радикальной фразеологической старали отворожить страшную правду признаний Терцена (см. напр. крайне типичную в этом отношении статью о Терцене проф. Милоскова).⁹ Когда пишущий эти строки в статье о «Духовной драме Терцена» решился на основании сочинений Терцена и своих собственных душевных переживаний на западе искренно серьезно поставить вопрос о мешанстве западной цивилизации, то результаты были лишь бесконечный ряд журнальных, газетных, письменных и устных обвинений в политическом неблагонадежности, самых нестойких заподозрений тому подобных критических инвектив, к которым я давно уже выработал вполне определенное внутреннее отношение.¹⁰

Прошло всего несколько лет, но за это время мы вплотную подошли свободным учреждениям, дохнули, отчасти даже оравались атмосферой политической жизни, а драматизм и традиционность русских событий заставили поблеть, потерять прежнее величие все то, что совершается на западе. И в западничество в старом смысле умерло, настолько умерло, что нет сейчас почти свободного листа, где не изобиливались бы в «мешанстве»... хотбиле дичи праждя светлого американского федеративной республике по новому скандала с Торквяди (последний, может быть, научится теперь больше понимать природу мешанства о котором он так много и охотно писал¹¹, но всема мало и плохо понимал духовным представителем которого он первый является сам). Каково бы ни был содержание этих статей, знаменательен факт изменения литературных принципов

Handwritten notes and signatures at the bottom of the page, including the name "Булгаков" and the date "6/1/1954".

если недавно еще ни одна либеральная, или радикальная редакция не сочла бы возможным обвинять граждан федеративной республики, статью свободы которой проступили начать было приветствовать Горький, мешающими, а теперь этого требует литературное приличие. Будем надеяться, что этот внешний повод побудит их уступить и в духовную природу того явления, которое зовется мешающим и которое как будто не находится в прямой зависимости от внешних форм жизни, между тем вера во всемогущество этих форм, их определяющее для духа значение составляет один из первых догматов катехизика бывшего замкачества.

На днях произошло событие, представляющее собой в наших глазах настоящий обвинительный акт против мешанской пивилизации запада, заставляющее победить сомнению его честь, усумниться в благородстве того края, который отныне наши звали страной святых чудес. Мы разумею внешние заветы русского правительствования, заключенный на ростовских условиях, как будто бы со стороны Государственной Думы. Страна святых чудес, зажженная для нас светом свободы, выжидала теперь золотые цепи для русской свободы и вручила их врагам русского народа. Это всемирно-историческое преступление, это братоубийственный акт, который тем горше, чем коварнее. Это — повторение поступка Иуды, получившего «дену кровии»,¹ и оно не забудется, оно не пройдет бесследно в душе народа. Они позабыли те ужасы, в которых мы живем и о которых они представляли не имеют в своем обобщенном, сытом довольстве, они отвернулись от этого моря крови, невинно пролитой, они не пожалели невинных девушек, мучимых в темницах, еврейских детей, женщин и мужчин, избиваемых и убиваемых в потрохах, они плыли в лицо общественному мнению русского народа и насмелились над нашей болью и нашим недоумением. С холодным презрением они совершили это предательство.

Я сознательно говорю не о тех банкирах, которые дают деньги, но о том обществе, которое несет солидарную с ними ответственность. Там, где существует полная свобода общественного мнения и где оно представляет собой самую мочучую силу, его бесилые значат лишь его бездельствие. Раз в стране с полной свободой печати, как Франция, можно было, если верить газетным сообщениям, подкупить всю прессу, за единичным лишь исключением, уже это позволяет винить общественное мнение. В русской прессе стараются подчеркнуть протесты социалистов против займа. Было бы странно, если бы не разлазалось этих единичных протестов, нас поражает только слабость, вялость и бессилие их, вообще, мы вовсе не отделяем западных социалистов от духовной среды западноевропейского общества, как это делают они сами и их русские «товарыши». В представлениях западного социализма мы видим те же духовные болезни, которыми страдает мешанская пивилизация. Они плывут от плоти и крови от крови ее.

Мы никогда не сочувствовали речам старого славянофильства о «гнилостии» запада, но теперь, в данном факте предательства, братоубийства, мы чувствуем именно гнилость, слышим этот запах разлагающегося трупа.

Наша молодая пивилизация, которая мало еще выпита мешанского яда, пусть называет для себя из этого предостережения, пусть ищет того противоядия, которым только и парализуется духовное мешанство. Противоядие это есть религия, искренняя, глубокая, овладевающая всей душой человека. И, поскольку мы верим, что нашей пивилизации, нашему народу улыбка мешанского пути старого мира, постольку мы верим в религиозное признание русского народа.

Примечания

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Л., 1972. Т. XIV. С. 210.

² Ауллова на «переводную ценность» и «умеренный кумир» Ф. Ницше, чей образ и идеи неизменно присутствуют в предыдущих статьях Булгакова, обвиняющих героев Достоевского, радикальный атеизм и негибридные Ницше и Терсена, критикующие европейское мешанство. См.: Иван Карамзин (в романе Достоевского «Братья Карамазовы») как философский тип» (1901) и «Душевная драма Терсена» (1902, отдельное издание — 1905).

³ Давидович Николай Шило (1831—1920) — земский деятель в 1905—1906 гг. впоследствии эволюционировавший к правому либерализму в то время, как близкая Булгакову категория партия все больше самоопределялась как либерально-социалистическая.

⁴ Мандрешко Николая П от 6 августа 1905 г. был утвержден проект законодательной Думы, представленный министром внутренних дел А. Г. Вульфиным.

См. об этом специально: Смуров Л. Е. С. П. Шеварева и западные влияния и источники теории-адоризма о «чуждом» или «спинозином» Западе. Названия, сопоставления и материалы // Записки Русского Научного Института в Белград. Кн. 17. 1940. С. 201—263.

⁵ Мнение о том, что основным пунктом различия славянофильства и западничества был не национальный, а политический, Булгаков сформулировал еще в статьях 1902 г.: «Душевная драма Терсена» и «Что дает современному созданию философия Вл. Соловьева?».

⁶ Неточная цитата из «былого и дум». В оригинале: «ды, для утешения себя, хитрым дружок Европы и верю в нее так, как христиане верят в рай» (Терсена А. Н.: Сочинения. Женева, 1879. Т. VIII. С. 362. Собрание сочинений. М., 1956. Т. X. С. 124).

⁷ См., например, «Письма из Франции и Италии», «С того берега» и т. п.

⁸ Милонов Л. Н. Памяти Терсена // Ево же. Из истории русской интеллигенции. Сб. СПб. 1902 (статья 1900 г.).

⁹ При повторной публикации «Душевная драма Терсена» в сборнике «От марксизма к идеализму» (СПб. 1903) Булгаков был вынужден специально оговорить свою «политическую близорукость» в смысле политической оппозиционности самодержавию: «Вообще, как ни оговаривай я само согласие с крайностями воззрений Терсена (на недостатки западной пивилизации — Иуды), все они несликом были приписаны и мне и я просил за... славянофиль» (С. 191, прим.).

¹⁰ Речь идет о получении большой отдачи в прессе скандале с выселением М. Горького и М. Ф. Андреевой из отеля «Бельклер» в Нью-Йорке в связи с тем, что их брак был лишь гражданским. Попробности и указания на соответствующую литературу см.: Горький и русская журналистика начала XX века. Незавершенная переписка // Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 71.

¹¹ Имеются в виду сочинения М. Горького «Мешане» (1901) и «Записки о мешанстве» (1905) № 13 № 27. 6.

Публикации и примечания О. К. Домгевой и М. А. Коларова